

На правах рукописи

БУТ Наталия Андреевна

**ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИТУАТИВНО
ОБУСЛОВЛЕННЫХ ИЛЛОКУТИВНЫХ АКТОВ
ГРУППЫ «МИНАТИВОВ»
(экспериментально-фонетическое исследование
на материале современного немецкого языка)**

10.02.04 – германские языки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена в Тамбов 2004
им. Г.Р. Державина в Тамбовском государственном университете

Научный руководитель – доктор филологических наук,
профессор **Григорьев Евгений
Иванович**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Потанов Всеволод Викторович

кандидат филологических наук
Ершова Наталья Болатовна

Ведущая организация Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова

Защита состоится «30» июня 2004 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 212.261.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина по адресу: 392622, г. Тамбов, ул. Советская, 93, аудитория 70.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

Автореферат разослан «___» _____ 2004 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.Ю. Безукладова

Подписано к печати 19.05.2004
Гарнитура Times New Roman. Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем: 1,16 усл. печ. л.; 1,3 уч.-изд. л.
Тираж 100 экз. С. 403

Издательско-полиграфический центр ТГГУ
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

В реферируемой работе исследуется проявление и развитие основных просодических характеристик на протяжении всего контура иллокутивного акта угрожающей направленности в различных коммуникативных средах.

Для того чтобы обоим интерактантам правильно понимать друг друга в той или иной ситуации общения, им необходимо владеть не только лексическими, семантическими и просодическими структурами построения высказывания, но и применять эти знания через призму прагматики.

Тем не менее, не умаляя значения лексики и семантики, стоит отметить весомость просодии вкупе с прагматикой. При одном и том же лексическом и семантическом наполнении фразы только просодия указывает на те смыслы, которые являются ведущими в чувственной сфере людей, и это подтверждает тот факт, что во взаимоотношениях людей чаще бывает важнее не то, что именно сказано, а как это сказано. В любом случае для комфортного сосуществования в человеческом сообществе порой бывает жизненно необходимо правильно трактовать высказывание, а именно его прагматическую направленность, особенно в ситуациях употребления угроз.

Актуальность диссертационного исследования определяется тем, что работа выполнена в рамках одного из новых направлений в прагмалингвистике – фонопрагматики, которое позволяет выявить просодические структуры отдельных иллокутивных актов и установить их зависимость от ситуативных условий общения.

Объектом исследования являются супraseгментные характеристики иллокутивных актов немецкого языка.

Предметом исследования послужили речевые акты угрожающего характера, минативы, реализованные в трех ситуативных моделях коммуникации.

Цель настоящей работы заключается в установлении общих и различительных черт просодических моделей употребления иллокутивных актов угроз трех фонетических стилей.

Задачами исследования являются:

- 1 Установление просодических моделей стилистически обусловленных речевых актов угрожающего характера.
- 2 Обнаружение общих и стилистически дифференцированных признаков этих моделей.
- 3 Построение инвариантной модели иллокутивов угрожающего характера.
- 4 Анализ связи полученных просодических характеристик со смысловым содержанием этого типа речевых актов.

Экспериментальным **материалом** послужили речевые акты немецкого языка угрожающего характера в количестве 1583 фразы в исполнении четырех испытуемых (мужчин), из которых 601 фраза (общим объемом 7454 слога и длительностью в 21 минуту 32 секунды) была идентифицирована аудиторами-носителями языка как минатив и подвергнута дальнейшему инструментальному анализу.

Применялись следующие **методы исследования**: метод наблюдения, метод слухового анализа, метод акустического анализа, метод математико-статистической обработки данных, метод сопоставительного анализа.

Научная новизна диссертационной работы определяется тем, что в ней минативы как речевые акты угрожающего характера исследуются с позиции ситуативно обусловленной просодической манифестации.

Теоретическая значимость работы обуславливается тем фактом, что изучение звучащей стороны речи, а именно, смысловая выраженность при помощи просодических средств частоты основного тона, интенсивности, длительности, ритма и тембра является значимым как в плане теории познания языка, выяснения механизма семантизации высказывания, так и в аспекте обучения правильному владению приемами коммуникативного воздействия. Теоретическая значимость исследования заключается также в описании просодической структуры иллокутивов угрожающего характера в рамках фоностилистического подхода. В диссертации показан характер изменений супraseгментных характеристик. Тем самым настоящая работа вносит определенный вклад в проблему изучения влияния ситуативных факторов коммуникации на просодический облик иллокутивов.

Практическое применение результатов исследования определяется их использованием при изучении вопросов теории коммуникации, фонетики, прагматики, общих проблем языкознания, психологии; в курсе преподавания практической фонетики немецкого языка, обучении речи на старших курсах специализированных факультетов, в дальнейшем типологическом и гендерном изучении данных иллокутивов.

Теоретической базой диссертации послужили теории и концепции, нашедшие отражение в работах таких ученых, как В.А. Артемов, К.К. Барышникова, Л.П. Блохина, Л.В. Бондарко, С.М. Гайдучик, Е.И.

Григорьев, Л.Р. Зиндер, Л.А. Кантер, Т.М. Николаева, Р.К. Потапова, Н.Д. Светозарова, И.Г. Торсуева, O. Essen, K.J. Kohler, G. Meinhold и др.

На **защиту** выносятся следующие положения:

1 Речевые акты, относящиеся к группе «минативов», представляют собой речевые действия, которые в отличие от прочих, уже изученных, не обнаруживают стилистической дифференциации, они являются моностилистическими образованиями. Инвариантная модель в основном совпадает по своим просодическим признакам с вариантными.

2 Семантика угрозы создается тонально-динамическими корреляциями, диапазон которых составляет 5 уровней.

3 Речевые акты угрозы соотносятся в большей мере с речевыми актами обещания, а также с предостережениями и простым информированием о позиции адресанта.

Апробация работы. Основные положения диссертации нашли отражение в ряде докладов и сообщений на научной конференции в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина (2003),

на VIII научной конференции Тамбовского государственного технического университета (2003), на аспирантских семинарах и заседаниях кафедры немецкой филологии ТГУ, а также в опубликованных статьях по теме исследования.

Структура и содержание настоящей работы: данное диссертационное исследование состоит из Введения, Теоретической главы, Главы экспериментального исследования, Главы лингвистической интерпретации результатов, Заключения, Списка использованной научной литературы и Приложения.

Глава I Прагматические и стилистические черты просодической структуры высказывания

В данной главе рассматривается вопрос о выделении разными исследователями набора функций просодии. Неоднозначно в среде фонетистов и само понятие «просодия» и его соотношение с понятием «интонация». Реформатский А.А. полагает, что интонация – это суперсегментное фонологическое явление, которое накладывается на высказывание в целом (будь то предложение или его часть) [Реформатский 1975: 72]. Тем не менее, он настаивает, что просодема шире и общее, чем интонома. А из этого следует, что понятие «просодия» шире понятия «интонация». С другой стороны, Р.К. Потапова под интонацией понимает единство следующих компонентов: мелодики или движения основного тона; системы ударений; временных характеристик речи (длительности сегментов, темпа, паузации); ритма; тембра; произносительной динамики [Потапова 2001: 182]. Кантер Л.А., в свою очередь, предлагает понимать в самом общем виде речевую интонацию как совокупность системно обусловленных просодических характеристик речи, к которым относятся частота основного тона, интенсивность и длительность, что в плане восприятия соответствует мелодическому, силовому (громкость) и темпоральному компонентам [Кантер 1988: 4]. Это определение очень схоже с позицией А.М. Антиповой, которая считает, что «просодия – система фонетических средств (высотных, силовых, временных), реализующихся в речи на всех уровнях речевых сегментов (слог, слово, словосочетание, синтагма, фраза, сверхфразовое единство, текст)» [ЛЭС 1990: 401].

В настоящей работе под просодическими средствами понимаются частота основного тона, интенсивность, длительность и их соответствия в плане восприятия (функционирующих на уровне от слога до целого высказывания).

В связи с тем, что на протяжении десятилетий сложились разные направления и школы по изучению фонетического уровня языка, и, в зависимости от принадлежности языковедов к той или иной традиции фонетических исследований, они выделяют разный набор функций просодии. Зиндер Л.Р. выделяет лишь две функции просодии: эмоциональную функцию и противостоящую ей коммуникативную функцию, под которой он предлагает считать все то, что связывает просодию со смыслом и синтаксическим строем предложения [Зиндер 1980]. Н.С. Трубецкой предлагает выделять две основные функции просодии – аппелятивную и экспрессивную [Трубецкой 1960], К.К. Барышникова видит в просодии различительную, разграничительную и экспрессивную функции [Барышникова 1975], А.М. Антипова отмечает у просодии две основные функции: логическую и эмоционально-модальную [Антипова 1979: 23]. По концепции Т.М. Николаевой, просодия обладает тремя лингвистическими функциями: функцией членения (через оформление), функцией связи и функцией передачи смысловых отношений [Николаева 1971]. Последняя из перечисленных функций является, по мнению автора, более широкой категорией, объединяющей такие частные функции, как реализация актуального членения и выделение отдельных единиц высказывания. Цеплитис Л.К. предлагает следующий набор функций просодии: се-

мантическая (первичная), синтаксическая и стилистическая (вторичные) и употребляет термин «функция» в значении «использование интонационных средств» [Цеплитис 1974: 240]. Торсуева И.Г. включает в число функций текстовой просодии следующие: 1) просодия структурирует текст как единое целое, 2) помещает его в ряд текстов того же жанра и стиля, одновременно выделяя его на фоне остальных, 3) расчленяет текст на смысловые куски, 4) подчеркивает степень важности и информативности отрезков текста в отношении к его главной идее, 5) соединяет смысловые отрезки текста, 6) является средством межфразовой связи, 7) выполняет функцию воздействия на слушателя [Торсуева 1982]. Иллокутивную функцию просодии С.В. Кодзасов и О.Ф. Кривнова связывают с выражением различий в цели высказывания, модальную – с выражением разнообразных оценок, показывающих отношение говорящего как к содержанию сообщения, так и к слушающему [Кодзасов, Кривнова 2001: 401]. Различные исследователи предлагают выделять: эмоциональную и интеллектуальную [Pittenger, Hockett, Danehi 1960]; вербальную и голосовую [Berkovits, 1984]; логическую, эмфатическую и акцентуирующую [Huang 1971]; эмоциональную, эмфатическую и физиологическую [Kingdon 1972]; прагматическую, грамматикализованную и семантическую [Wunderlich 1976] и прочие функции просодии.

Тем не менее большинство ученых согласно с тем, что многообразие, взаимопроникновение и пересечение функций просодии подтверждает мысль о ее полифункциональности. В свете этого можно заключить, что без сомнений, не умаляя значения и роли прочих функций супraseгментных средств, основными и ведущими функциями просодии в аспекте настоящего исследования необходимо признать грамматическую, стилистическую и прагматическую. А изучение просодических характеристик высказывания, подтвержденное экспериментальными данными, внесет свой вклад и в исследования соответствующих разделов лингвистики. Просодический контур высказывания аккумулирует грамматическую, стилистическую и прагматическую информацию, являясь порой универсальным средством передачи как лингвистических, так и нелингвистических аспектов в процессе коммуникации.

В следующих параграфах главы более подробно описываются стилистическая и прагматическая функции просодии.

Определяющим фактором выбора того или иного стиля общения является речевая ситуация, включающая в себя цель и предмет высказывания, степень подготовленности говорящего, отношение между говорящим и слушающим, социальный статус говорящего, отношение говорящего к содержанию высказывания, взаимодействие коммуникантов (высказывания непосредственные и опосредованные), внешние условия общения. В результате взаимодействия всех этих экстралингвистических факторов речевой ситуации высказывание одного типа отличается от высказывания другого типа особой структурой фонетических, грамматических и лексических средств языка.

Для каждого стиля определена сфера использования и экспериментальным путем установлены фонетически существенные признаки на сегментном и супraseгментном уровнях, а также отмечено, что в любой стилистической системе современных языков происходит взаимопроникновение и взаимодействие отдельных стилей. Зачастую в речи наблюдается сочетание элементов разных фоностилей, или так называемая стилевая диффузия. При этом установить преобладание какого-либо из стилей иногда практически невозможно, особенно на уровне просодии, где границы фоностилей значительно размыты.

В настоящем исследовании определяющей является позиция функциональной стилистики, чье основное положение заключается в том, что между использованием языка в той или иной общественной сфере деятельности и определенными средствами выражения языковой системы или текста имеется коррелятивная взаимосвязь. Кроме того, поддерживается точка зрения немецких стилистов В. Флейшера, Г. Михеля и Г. Штарке, которые высказывают мнение, что для практического изучения стилей во многих отношениях наиболее разумным представляется не использовать в качестве исходных ни слишком большие и, следовательно, очень незначительные, ни слишком малые (специализированные) и, следовательно, необозримые типы стилей. Следует предпочитать такие классификации или типизации, которые находятся на «среднем» уровне обобщения, и которые, с одной стороны, объединяют в себе не слишком много различных, с другой стороны, не требуют учета слишком специфических (специальных) признаков [Fleischer, Michel, Starke 1993: 29].

В диссертационном исследовании из всего существующего многообразия классификаций фоностилей за основу принималась фоностилистическая дифференциация устной речи, разработанная С.М. Гайдучиком на материале немецкого языка, в которой он выделял торжественный, научно-деловой, официально-деловой, бытовой, непринужденный стили речи [Гайдучик 1979: 20].

Таким образом, процесс формирования фоностилей представляет собой не что иное, как выбор опре-

деленных синонимичных вариантов сегментного и супrasegmentного уровней в соответствии с конкретной ситуацией. Также определенное влияние оказывают и некоторые стилистические особенности мужской и женской речи, при этом эти особенности носят переменный характер и зависят от ситуации общения [Kotthoff 1996]. Здесь наблюдается проникновение гендерных исследований в область фоностилистики, то есть учет многовариантного влияния фактора пола, состоящего как бы из двух важнейших компонентов: пола биологического (sexus) и социального (gender).

Высказывания в зависимости от ситуации и предмета общения приобретают определенный стилистически зависимый просодический образ. Предполагается, что высказывание маркируется с помощью просодических средств и как определенный прагматический тип, и в аспекте его стилистического употребления. Особыми просодическими характеристиками маркируются каждые типы речевых актов, и употребление некоторых типов речевых актов в ситуативно обусловленных коммуникациях привносит в их просодическую структуру стилистически дифференцирующие моменты.

Иллокутивы угрожающего характера являются одной из разновидностей в системе речевых актов всякого национального языка. Их использование в процессе интеракции отражает иерархический характер взаимоотношений говорящих и указывает на наличие (реальных либо потенциальных) различий в осуществлении некоторого события «р».

Иллокутивная функция угрозы – изменение поведения собеседника путем вызова у адресата чувства страха и посредством этого воспрепятствование действию или намерению его реализации адресатом, либо косвенная экспликация негативной оценки совершенного факта или события. В случае неисполнения требования, за которым следует угроза, говорящий оставляет за собой право применения определенных санкций. Цель угрозы – заставить адресата подчиниться воле говорящего и выполнить действие, идущее вразрез с его (адресата) интересами. Средство достижения этой цели – запугивание.

Угроза не характерна для ситуации официального общения и для общения с людьми более высокого социального статуса. Если адресант, обладающий более низким социальным статусом, употребляет речевые акты угрожающего характера в ситуации общения с человеком с более высоким социальным статусом, то на момент общения эти социальные различия как бы виртуально нейтрализуются, и говорящий ставит себя в равное со своим собеседником положение в аспекте социальной субординации. Другими словами, угрожающие высказывания имеют чаще всего нисходящий или горизонтальный статусный вектор.

Зачастую угроза может носить и формальный характер, в зависимости от ситуации может быть либо угрозой, либо угрожающим предупреждением. Как правило, в нашей повседневной жизни мы имеем дело со скрытыми, имплицитными угрозами, когда говорящий имеет в виду изменение линии поведения собеседника и когда это используется впервые в коммуникации. Следовательно, не всегда в речевом акте угрожающей направленности говорящий актуализирует те штрафные санкции, которые он может применить в случае невыполнения каких-либо требований или неповиновения им. Однако говорящий в данном случае уверен в том, что слушающий осознает реальную вероятность их применения, догадывается об этих штрафных мерах, поскольку они, по мнению говорящего, скорее всего, находятся в пресуппозиции слушающего в результате его жизненного опыта, поэтому он не считает нужным эксплицитировать их в очередной раз. Успешность перлокутивного эффекта порой напрямую зависит от актуализации «штрафного наказания».

Прямые угрозы используются с намерением изменения физического или морального состояния слушающего, окружающих или каких-либо объектов (например, *Ich habe nichts zu verlieren, ich werde sie alle töten! Ich werde das Gebäude in Brand setzen!*).

Семантическая структура угрозы включает в себя номинацию действия, выполнение которого требует говорящий, и порой номинацию действия, которое обязуется выполнить говорящий в случае неповиновения и которое не соответствует интересам адресата. Между этими действиями устанавливается причинно-следственная связь: сделай *x*, не то я сделаю *y*, что не в твоих интересах.

Часто непосредственной угрозе применения каких-либо штрафных мер предшествует некое условие, невыполнение которого и повлечет их (например, *Wenn ich den Hubschrauber nicht sofort bekomme, werde ich diesen Mann über den Haufen knallen! Noch eine Bewegung und ich werde dir eine Kugel in den Kopf schießen!*).

Иногда то, каким образом говорящий собирается причинить вред адресату, не актуализируется, что оставляет в дальнейшем за говорящим право выбора любого средства причинения ущерба и наведения страха из множества возможных (например, *Du wirst das noch bereuen! Ich werde mit dir quitt sein!*).

Сама по себе угроза, следовательно, представляет собой речевые действия, направленные на ини-

цирование или торможение разных форм активности партнера по коммуникации. Существует вид угрозы, когда субъект не способен по зависящим или не зависящим от него причинам в реальности выполнить действие угрозы, который скорее можно назвать «псевдоугрозой». Говорящий в данном случае хотел бы изменить поведение адресата, возможно и путем запугивания, но по известным причинам не может выступать гарантом реализации своих намерений. По всем прагматическим, семантическим и просодическим характеристикам эта «псевдоугроза» является настоящей угрозой, но в то же время в связи с какими-то (известными обоим участникам интеракции) обстоятельствами не воспринимается как реальная.

Со стороны адресата возможны два пути развития коммуникативной ситуации общения: во-первых, признание угрозы и прекращение действия или намерения (именно это и ставит своей задачей адресант), либо приведение контраргументов с целью нейтрализации угрожающего высказывания, и, во-вторых, непризнание угрозы и последующая линия поведения в соответствии с намерением адресата (что будет считаться коммуникативной неудачей в актах угрозы).

Ряд лингвистов придерживаются мнения, что при описании РА угрожающего характера целесообразно соотносить их с речевыми актами обещания, поскольку у них много общего (отнесенность к будущему, ряд особенностей ролевой структуры). Только условия реализации РА угрожающего характера противоположны тем, которые характерны для речевых актов обещания: адресат не заинтересован в осуществлении того, о чем идет речь. Что же касается «искренности» говорящего, то она обязательна в речевых актах угрожающего характера, так как если говорящий не будет рассматривать то, чем он угрожает, как крайне нежелательное для адресата, то, собственно, угрозы не будет.

У РА угрозы общая с РА обещания отнесенность предмета речи к будущему. Но в отличие от обещания автор угрожающего высказывания не выступает как гарант реальности будущего события. Он порой может угрожать и событием, совершение которого от него не зависит: *Он тебе задаст*. Поэтому для РА угрожающего характера нет ограничений в наборах ролевых структур высказывания, характерных для РА обещания.

Наличие у обещаний и угроз ряда общих структурно-семантических особенностей и вместе с тем различие по признаку «+/-» отношения адресата к содержанию обращенного к нему высказывания делают возможным употребление речевого акта, являющегося по формальным признакам угрозой, в качестве обещания и наоборот. Несоответствие между формальной предназначенностью высказывания и его употреблением порождает стилистический эффект (аналогичный эффект при сходном смещенном употреблении именных наименований: «разбойник» как ласкательное имя и «мой славный» при угрозе).

С другой стороны, сравнивая угрожающие высказывания с запрещающими речевыми актами, можно отметить и тот факт, что угрозы отличаются непосредственным наличием вероятных принудительных санкций в случае исполнения адресатом своего намерения, а в запретах эффект воздействия, как правило, основывается на степени авторитетности говорящего, и характер возможных санкций с его стороны проявляется имплицитно в качестве полномочий более высокого статуса говорящего.

Негативный характер оценки факта или события объединяет угрозы некоторым образом с оценочными высказываниями (в данном случае с актами порицания), но сам способ выражения этой отрицательной оценки различает их, как и в случае с запрещающими высказываниями. Другими словами, при употреблении угрожающих высказываний негативная оценка воспринимается косвенно через угрозу применения вероятных штрафных санкций, в то время как оценочные высказывания выражают в данном случае отрицательную оценку непосредственно.

Кроме того, угрожающие высказывания отличаются и от директивных высказываний, во-первых, тем, что угрозы направлены, прежде всего, на предупреждение возможного действия со стороны адресата, которое говорящий позиционирует как нежелательное, во-вторых, способом воздействия на собеседника. В угрозах иллюкутивный эффект достигается выражением предостережения с предъявлением возможных отрицательных последствий для слушающего при отсутствии нужной реакции с его стороны, а в директивных высказываниях аналогичный эффект обеспечивается имплицитным выражением более высокого статуса говорящего. К приказам и требованиям близка угроза, объединенная с ними тем, что говорящий практически не предоставляет адресату выбора. Различие же состоит в том, что в приказе облигативность основана на авторитете, а в угрозе – на возможности нанесения адресату вреда.

Очевидна связь угрозы, предупреждения и предостережения. Предостережение есть побуждение адресата воздержаться от какого-нибудь действия, уберечься от опасности, которую он не замечает.

Если нежелательное для адресата действие ставится в зависимость от выполнения им условий говорящего, предостережение может интерпретироваться как угроза: *Предупреждаю, что если вы не остановитесь, я буду стрелять*. Восприятие высказывания в данном случае будет зависеть от того, какому

из смысловых компонентов адресат отдает приоритет: озабоченности говорящего о соблюдении интересов адресата или навязывание ему своей воли. Предупреждение и угрозу можно также рассматривать как разновидность совета.

Угрозой может в принципе стать практически любое высказывание независимо от лексического наполнения, следовательно, просодический рисунок приобретает особую значимость.

РА угрозы являются «сильными и достаточно жесткими» и употребляются, когда нет другого выхода и прочие более «мягкие» виды РА не возымели желаемого перлокутивного эффекта. Так как по логике развития событий за угрозой в вербальной форме, если она не принесет планируемого перлокутивного эффекта, следует совершение негативного действия или поступка.

Глава II Экспериментальное исследование просодических характеристик иллокутивных актов угрожающего характера

Экспериментальным материалом для изучения просодических характеристик речевых актов угрожающего характера послужили высказывания, реализованные испытуемыми, носителями немецкого языка в соответствующих ситуациях.

В качестве испытуемых выступили четыре носителя немецкого языка, постоянно проживающих на территории Германии и владеющих произносительными нормами литературного немецкого языка. Возраст испытуемых – от 28 до 45 лет. Все респонденты имеют высшее образование и по роду деятельности являются аспирантами, бизнесменами и сотрудниками немецких компаний.

Таким образом, были использованы следующие ситуации общения.

1 Начальник угрожает подчиненному. Например, *der Chef spricht mit dem Manager anlässlich systematischen Zuspätkommens des Untergebenen in seiner Abteilung und empfiehlt ihm, so bald wie möglich, Abhilfe zu schaffen, anderenfalls würde er [der Chef] selbst Maßnahmen ergreifen. Er sagt eine Drohung ... **Bringen Sie alles in Ordnung, oder ich werde Sie entlassen müssen!***

Или, например, *der Buchhalter beging einen bedauerlichen Fehler im Jahresbericht, was eine Revisionskontrolle zur Folge hatte. Der Chef droht ihm ... **Ich werde dich aus dem Dienst jagen!***

Контекстуально-логические условия дискурса данной ситуации общения: направление интеракции сверху вниз (вышестоящий – нижестоящий), официально-деловой стиль общения, ситуация общения при личном контакте, коммуниканты знакомы друг с другом, производственная обстановка интеракции.

2 Отец угрожает сыну. Например, *der Vater verbietet dem Sohn etwas zu tun, zum Beispiel, die Streichhölzer zu nehmen. Der Sohn gehorcht ihm wieder nicht. Der Vater sagt drohend darauf ... **Ich werde dich jetzt in die Ecke stellen!***

Или, например, *der Sohn will gegen Vaters Wunsch und Willen handeln, das Studium an der Universität aufzugeben. Der Vater sagt, daß ernsthafte Konsequenzen für den Sohn folgen würden, wenn der Sohn sein Vorhaben in die Tat umsetzt ... **Ich werde dich enterben!***

Контекстуально-логические условия дискурса данной ситуации общения: направление интеракции сверху вниз (вышестоящий – нижестоящий), бытовой стиль общения, ситуация общения при личном контакте, коммуниканты не просто знакомы, но и находятся в родственных связях.

3 Учитель угрожает ученику. Например, *der Schüler verstößt regelmäßig gegen die Disziplin. Der Lehrer erteilt ihm einen Verweis und ruft ihn zur Ordnung, aber erfolglos. Der Lehrer droht dem Schüler ... **Meine Geduld für dein Benehmen ist zu ende!***

Или, например, *der Schüler veränderte verbotenerweise die Note Ungenügend im Klassenbuch. Der Lehrer bemerkte es, aber der Schüler wollte es nicht eingestehen. Der Lehrer droht ihm ... **Das wird dir teuer zu stehen kommen!***

Контекстуально-логические условия дискурса данной ситуации общения: направление интеракции сверху вниз (вышестоящий – нижестоящий), официально-деловой стиль общения, ситуация общения при личном контакте, коммуниканты знакомы друг с другом, производственная обстановка интеракции.

4 Преступник угрожает полицейскому. Например, *der Verbrecher hat etliche Geisel genommen und fordert, daß seine Bedingungen sofort erfüllt werden, und droht anderenfalls, die Geiseln zu erschliessen ... **Ich werde jede Stunde eine Geisel umbringen!***

Контекстуально-логические условия дискурса данной ситуации общения: направление интеракции ровное, непринужденный стиль общения, ситуация общения при визуальном контакте, коммуниканты не знакомы друг с другом, обстановка общения неформальная, свободная.

5 Неизвестный угрожает представителю прокуратуры по телефону. Например, *ein Unbekannter erpresst den Vertreter der Staatsanwaltschaft. Wichtige Dokumente, die die Korruption der Beamten dieser Verwaltungsdienststelle beweisen, gerieten in seine Hände. Er ruft an und droht ... Ich werde dich zum Schweigen bringen!*

Контекстуально-логические условия дискурса данной ситуации общения: направление интеракции ровное, непринужденный стиль общения, ситуация общения опосредованная (например, посредством телекоммуникационных каналов), коммуниканты не знакомы друг с другом непосредственно.

6 Руководитель фирмы угрожает руководителю конкурентной фирмы. Например, *der Firmenleiter droht dem Partner. Ehemalige Unternehmenspartner wurden Konkurrenten. Sie zankten sich und jeder will dominieren ... Ich werde dich vernichten!*

Контекстуально-логические условия дискурса данной ситуации общения: направление интеракции ровное, непринужденный стиль общения, ситуация общения при личном контакте, коммуниканты знакомы друг с другом, обстановка интеракции неформальная, приватная.

Материал эксперимента был записан в шумоизоляционном помещении с использованием микрофона AIWA KARAOKE™ DM-H 19 на жесткий диск ноутбука RoverBook® FT6 Partner & Voyager с помощью программы Cool Edit Pro® версии 2.00 в оцифрованном виде с параметрами: 16-ти битный звуковой wav-файл записи моно формата Windows PCM.

Таким образом, исключая фразы с некоторым техническим браком, четырема испытуемыми всего было записано 1583 фразы длительностью 58 минут 56 секунд. Затем материал подвергался обработке по методике, принятой в экспериментально-фонетических исследованиях подобного рода.

Экспериментальное исследование записанного материала проводилось методом комплексного анализа, включающего в себя:

а) слуховой эксперимент с аудиторами, носителями немецкого языка и преподавателями фонетики, для которых немецкий язык не является родным;

б) акустический анализ экспериментальных фраз, состоящий из: фонемно-слоговой расшифровки фраз с помощью специальной программы обработки речевого сигнала; замеров и анализа акустических параметров ЧОТ, интенсивности и длительности;

в) математико-статистическую обработку полученных данных анализа;

г) сопоставление воспринимаемых качеств со статистически достоверными различиями;

д) интерпретацию результатов эксперимента.

а) Слуховой анализ имел своей целью установить правильность вербальной идентификации речевого материала, степень его адекватности заданным речевым ситуациям и, соответственно этому, принятым нормам произношения в этих ситуациях. Для выполнения данной задачи были приглашены три носителя немецкого языка, постоянно проживающих в Германии и являющиеся по роду деятельности специалистами в области германской филологии.

Речевые акты воспроизводились требуемое аудитором количество раз. Информантам был задан список близких типов речевых актов, и в их задачу входило соотнести соответствующий иллокутив с одним из предложенных типов речевых актов, а именно, с речевыми актами предупреждения, угрозы, обещания и требования. Фразы, верифицируемые информантами как соответствующие ситуациям употребления угроз и удовлетворяющие условиям инструментального анализа, были подвергнуты дальнейшему аудитивному анализу, прочие же отсеивались.

Для проведения второго этапа слухового анализа приглашались три преподавателя фонетики немецкого языка, имеющих опыт аудирования, для которых немецкий язык не являлся родным. Данной группе аудиторов ставились следующие задачи:

1) отметить воспринимаемые паузы;

2) определить движение тона до и после пауз и в конце фразы;

3) отметить иерархию ударений во фразе (главное, второстепенное).

б) Для акустического анализа были отобраны иллокутивные высказывания, которые информантами верифицировались как аутентичные заданным речевым ситуациям употребления угроз и соответствующие произносительным нормам данных ситуаций. Таким образом, экспериментальный материал для анализа просодических характеристик иллокутивов угрожающего характера представлял собой отдельные фразы, лишённые каких-либо посторонних шумов, которые могли бы повлиять на получение их объективных акустических характеристик. Всего для последующего анализа была отобрана 601 фраза общим объемом 7454 слога и общей длительностью 21 минута 32 секунды, которые произносились в исполнении четырех испытуемых.

Акустическая обработка экспериментального материала осуществлялась с использованием специальной компьютерной программы обработки звукового сигнала WaveSurfer® версии 1.5.2. Данная программа позволяет получить частотно-амплитудную интонограмму фразы, а также измеряет параметры частоты основного тона в Гц, интенсивности в дБ и длительности в мсек с задаваемым периодом квантования, равном 20 мсек. Затем все значения частоты основного тона, интенсивности и длительности переводились в относительные единицы.

Сравнительный анализ акустических характеристик проводился по следующим признакам:

- 1 Среднедикторские уровни ЧОТ, интенсивности и длительности.
- 2 Уровневые просодические характеристики семи релевантных слогов: предтакта (точки А, В), ритмического корпуса (точки С, D, E) и затакта (точки F, G).
- 3 Диапазоны ЧОТ, интенсивности и средняя скорость РА угрозы.
- 4 Развитие ЧОТ, интенсивности и длительности внутри фразы.

в) Применение элементов **математико-статистических методов** обработки в экспериментально-фонетических исследованиях имеет своей целью выявить степень случайности и закономерности наблюдаемых в речи фактов, то есть объективным образом оценить полученные данные, чтобы дать им соответствующую интерпретацию.

В настоящем исследовании сравнение характеристик проводилось, в основном, путем выявления среднего значения изучаемого признака и сопоставления последнего с варьирующими значениями. Математико-статистическая обработка материала осуществлялась с применением компьютерной программы Microsoft® Excel 2002. При обработке данных использовались следующие статистические категории: $\bar{x}$ – среднее арифметическое значение признака, σ – среднее квадратическое отклонение варианты от средней, v – коэффициент вариации, S – ошибка средней, Sd – средняя ошибка разницы, u – нормированное отклонение. При сопоставлении исследуемых просодических признаков различия считались существенными, если они соответствовали уровню значимости, равном 0,05.

В настоящем исследовании определяющей была концепция уровневой стратификации частотных и динамических параметров [Григорьев 1997], согласно которой выделяются семь тональных уровней, из которых пять считаются релевантными, и определяющим является **весь** просодический **контур** высказывания.

Глава III Лингвистическая интерпретация результатов экспериментального исследования

Довольно высокий уровень (27 %) опознавания экспериментальных фраз в качестве РА обещания (при том, что все экспериментальные фразы употреблялись дикторами как угрозы), несомненно, может подтвердить мысль о том, что отнесенность действия к будущему, ряд особенностей ролевой структуры, некоторые структурно-семантические особенности объединяют эти два типа РА. Вместе с тем различие по признаку «+/-» отношения слушающего к содержанию обращенной к нему фразы делают возможным употребление РА, являющегося по формальным признакам угрозой, в качестве обещания и наоборот.

Тем не менее, большинство экспериментальных фраз (38 %) были идентифицированы как угрозы. Помимо этого, угрожающие иллокутивы вполне могут идентифицироваться слушающими как предостережения

(17 %) или простое информирование о позиции адресанта (17 %).

В целях дифференциации РА угрожающего характера от прочих типов РА важную роль играет та специфическая просодическая модель, присущая именно РА употребления угроз. По мере развития и формирования интеллекта человека в его сознании формируется определенная просодическая структура РА угрожающего характера, другими словами просодическая инвариантная модель угрозы. Данная инвариантная модель обладает общими мелодическим, динамическим и темпоральными признаками, по которым и определяется принадлежность того или иного высказывания к РА угрожающего характера.

В настоящем исследовании анализу подверглись РА угрожающего характера в следующих ситуациях общения:

- 1 Официально-деловая ситуация общения начальника с подчиненным представлена моделью **М-1**.
- 2 Бытовая ситуация общения родителя с ребенком позиционируется моделью **М-2**.
- 3 Непринужденная ситуация общения преступника с полицейским (шантажиста с представителем власти, руководителя фирмы с другим руководителем) отражена в модели **М-3**.

а) частотные характеристики

Максимальный показатель ЧОТ модели *М-1* отмечен в главноударном слоге (точка E, пятый уровень), минимальный показатель – в завершении высказывания, последнем слоге затакта (точка G, пер-

вый уровень). Мелодика РА угрожающей направленности в модели М-1 воспринимается на слух как равно-восходяще-нисходящая с небольшими перепадами на протяжении развития фонации и сильным терминальным завершением. Такая мелодическая перспектива высказывания лишена чрезмерной эмоциональности и ощущается как уверенная и спокойная, принимающая во внимание некоторую публичность угрожающего высказывания. Только в одной релевантной точке Е модель М-1 статистически дифференцирована с моделью непринужденного стиля общения М-3 по ЧОТ, то есть у модели М-1 главноударный слог действительно выше, чем у модели М-3. Во всех остальных случаях тональный контур отрезка предакта, ритмического корпуса и затакта или совпадает, или в точках В, D и F имеет вероятную тенденцию к расхождению.

На аудитивном уровне мелодика угрожающих высказываний модели М-2 воспринимается в целом как восходяще-нисходящая, с вершиной на главноударном слоге фразы. Общий тон высказывания ощущается на уровне выше среднего. Угрозы бытового стиля общения воспринимаются как наиболее властные, строгие, не терпящие возражений. Первое мелодическое повышение – на ударном слоге первого логически выделенного слова, второй мелодический всплеск воспринимается на главноударном слоге и по уровню значительно выделяется над всей фразой. Мелодическое завершение имеет также усиленное терминальное направление для того, чтобы контрастивно выделить то, чем адресант собирается угрожать. Частотные характеристики угроз модели М-2 несколько выше на всем протяжении релевантных отрезков фразы, чем у инварианта угрозы. Однако по своему характеру изменений, последовательности спадов и подъемов они развиваются синхронно и практически параллельно. Частотная вариативность этой модели охватывает четыре значимых тональных уровня (2 – 5). Сопоставление частотных контуров высказываний бытового стиля общения с фразами других ситуаций коммуникации выявило лишь одно строгое расхождение на статистически значимом уровне – на главноударном слоге – с моделью М-3. Можно наблюдать лишь тенденцию к расхождению с моделью М-1 в точке F и с моделью М-3 в точках В, D и F при увеличении выборки.

На слуховом уровне угрожающие фразы модели М-3 воспринимаются более дифференцированными по тону лишь на участке каденции. Мелодика приобретает равно-восходяще-нисходящее изменения (уровни 1 – 4). Общий тон угрожающей фразы ниже среднего уровня, что, видимо, связано с повышенной эмоциональной окраской всего высказывания, хотя обычно с повышением экспрессии фразы возрастает и основной тон. Угрожающие высказывания непринужденного стиля речи воспринимаются как наиболее устрашающие и подавляют психологически отчасти за счет своей семантики. Мелодическое выделение ядерного слога по большей мере обусловлено значительным тональным спадом на заударном слоге, усиленным терминальным завершением фонации. Распределение высоты тона РА угрожающей направленности в ситуациях непринужденной коммуникации чуть ниже, чем у инвариантной модели на всех релевантных точках замеров, кроме первого ударного слога высказывания и окончания затакта, где эти показатели совпадают. Частотный контур данной модели представляет собой волнообразную кривую с пиковыми значениями на ударных слогах фразы и сильным понижением тона в конце фонации. Все релевантные точки РА угрожающего характера в модели непринужденного стиля речи не обнаружили статистически значимого уровня расхождений, за исключением точки Е (ядерного слога) при сравнении с моделями М-1 и М-2.

Из 21 сопоставления точек (7 контрольных точек по трем фонотипам) по частотным признакам только две оказались статистически различными.

б) характеристики интенсивности

Аудитивно наиболее громким воспринимается ударный слог первого самостоятельного слова и смыслового слова высказывания модели М-1. В остальном по силе произношения данный иллокутив ощущается как достаточно громкий, с четко воспринимаемым ядерным слогом наиболее значимого смыслового слова, то есть угроза в исполнении говорящего с более высоким социальным статусом произносится громче среднего уровня, поскольку является последним способом изменения существующего положения дел. Наиболее выделенным воспринимается главноударный слог за счет сильного ослабления громкости в заударном слоге. На ядерный слог к тому же падает и логическое ударение угрожающего высказывания. Что касается динамических изменений модели М-1, то она также как и инвариантная интенсивность представляет собой двухвершинный контур. Ударные слоги (точки С, Е) высказывания как следствие произносятся громче прочих, поэтому на них и приходятся пиковые значения интенсивности. Причем первый ударный слог ритмического корпуса практически равен по динамике ядерному слогу высказывания, что совпадает с инвариантом угрозы. Вариативность громкости довольно существенна и охватывает практически все пять значимых уровня интенсивности. Большое количество точек совпадения динамики модели М-1 с инвари-

антом указывают на то, что по динамическим характеристикам данное высказывание воспринимается как РА угрожающего характера вообще, без значительных ситуативных изменений. Фонационное завершение как следствие значительно ниже по динамике, чем начало фонации. Для начала предтакта характерен уровень громкости выше среднего, причем ударные слоги находятся в пределах того же четвертого уровня интенсивности, то есть вариативность динамики по мере развития высказывания невелика. Лишь резкое снижение громкости коррелирует с мелодикой фразы. Диапазон интенсивности фраз официально-делового стиля превосходит аналогичный параметр во всех других моделях общения.

Слоговая выделенность модели М-2 воспринимается на слух достаточно отчетливо на первом ударном слоге и на ядерном слоге высказывания. В остальном динамика фразы развивается на одном уровне громкости, и лишь в конце фонации ее показатель падает. Однако в целом все высказывание, манифестируемое в ситуации бытового общения, оформляется достаточно громко и более эмоционально, чем угрозы официально-делового стиля. Динамические изменения модели бытовой коммуникации также на всем протяжении значимых зон угрожающего высказывания несколько выше по уровню, чем в инвариантной модели, лишенной каких-либо дополнительных коннотаций, а первый ударный слог ритмического корпуса совпадает по силе произнесения с инвариантом. Наивысшей громкостью отмечен главноударный слог высказывания и чуть меньшей – инициальный слог ритмического корпуса. Вариативность динамических признаков охватывает четыре значимых уровня, со второго по пятый. Угрожающее высказывание бытового характера начинается с уровня громкости чуть выше среднего и заканчивается сильным затуханием силы произнесения в конце. Неударные слоги характеризуются понижением громкости. Усредненный уровень интенсивности оказался статистически значимым при сравнении моделей М-2 и М-3 и выше у угроз модели бытового общения. Диапазон интенсивности высказываний в ситуации бытового общения самый низкий по сравнению с другими ситуациями.

По динамическим признакам угрозы модели М-3 звучат незначительно тише инварианта самого РА угрозы во всех точках замеров и полностью совпадают с ним в первом ударном слоге высказывания, то есть ситуативные факторы накладывают минимум изменений на динамическую картину угрозы в непринужденном стиле общения. Характер изменения интенсивности как следствие представляет собой двухвершинную кривую с максимумами на ударных слогах высказывания. В этой модели ядерный слог оказывается немного тише первого ударного слога ритмического корпуса. Перепады между максимумами и минимумами интенсивности составляют примерно один-два динамических уровня при сильном затухании громкости в конце фонации, то есть для произносящего угрозу важна не только смысловая кульминация высказывания на главноударном слоге высказывания, но и весь ритмический корпус, на котором он удерживает слушателя в напряжении. По сравнению с другими моделями ситуативного употребления угроз динамика исследуемых РА в непринужденной коммуникации на всем протяжении релевантных точек ниже по своим акустическим показателям и совпадает лишь в точке С.

Несмотря на незначительную дифференциацию в динамике официально-делового, бытового и непринужденного стилей общения, из 21 сопоставления ни одна из релевантных точек предтакта, ритмического корпуса и затакта не выявила статистически значимого уровня расхождений.

в) характеристики длительности

Темпоральные характеристики модели М-1 практически полностью совпадают с инвариантными изменениями длительности на протяжении всех релевантных отрезков высказывания. Незначительное отличие прослеживается лишь в первом ударном слоге ритмического корпуса – он несколько короче в модели официально-делового стиля общения. В модели М-1 практически отсутствуют временные характеристики, типичные для этой стилевой разновидности, которые можно было бы рассматривать в качестве ее дифференциальных признаков, то есть угроза вышестоящего лица воспринимается как таковая в аспекте изменения длительности слогового звучания, несмотря на официально-деловую обстановку коммуникации. Официально-деловой и бытовой стили употребления угрожающих высказываний не обнаруживают статистически значимых расхождений по признаку слоговой длительности ни на одном из релевантных отрезков высказывания. В модели общения М-1 скорость произнесения слогов выше, чем в остальных ситуациях интеракции.

На восприятие слоговая длительность модели М-2 особенно повышается на главноударном слоге угрожающего высказывания и имеет возрастающую тенденцию ближе к концу фонации. Во-первых, эта тенденция указывает на целостность фразы, во-вторых, когда обращаются к детям с подобными фразами, с помощью большей длительности на смысловом слове добиваются убедительности в вероятности последующего наказания. Общий темп речи ниже среднего у угрожающих фраз в обстановке бытового общения. Временные характеристики релевантных слогов угрожающего высказывания в

бытовой ситуации общения практически совпадают с инвариантными на участке каденции и предтакте. На отрезке затакта у модели М-2 слоговая протяженность несколько выше, а первый ударный слог ритмического корпуса, напротив, ниже инварианта. Контур изменения слоговой длительности имеет в основном восходящее направление развития. Ударные слоги закономерно приобретают удлинение произношения, однако в модели М-2 фонационное окончание превышает по длительности первый ударный слог ритмического корпуса.

Временные корреляции модели употребления угроз модели М-3 полностью совпадают с инвариантом данного РА в отрезке каденции и затакте и практически совпадают в отрезке предтакта и начале ритмического корпуса. Это сводит к минимуму дифференциацию употребления угрожающего РА в непринужденной обстановке общения от лишенного каких бы то ни было стиливых коннотаций инварианта этого РА.

Их 21 сопоставления точек всех моделей оказалось лишь три точки дифференциации между ними на статистически значимом уровне. Ими оказались точка С в моделях М-1 и М-2 и точка G в модели М-2.

Исследование теоретического и фактического материала позволило сделать следующие **выводы**. Исследуемые просодические характеристики употребления угроз в спонтанной речи позволили выявить просодическую модель инварианта данного иллокутива. Она представляет собой двухвершинный контур с равно-восходяще-нисходящим движением тона. Для нее свойственны довольно резкие тональные перепады и значительное повышение громкости и существенная слоговая длительность на ударных слогах. Резкое понижение высоты тона и динамики произнесения в затакте характеризует данный иллокутив категоричностью, строгостью и властностью тона. Диапазон тонально-динамических изменений затрагивает все 5 уровней.

Угрожающие высказывания являются настолько авторитарными и «жесткими» типами речевых актов, что в их просодических моделях коррелируют все параметры частоты основного тона, интенсивности и длительности на всех точках замеров релевантных отрезков предтакта, ритмического корпуса, участка каденции и затакта. Ядерный слог получает максимумы почти всех просодических характеристик, что подтверждается аудитивным восприятием.

В системе речевых актов высказывания угрожающего характера действительно соотносятся в большей мере с РА обещания, что подтверждено экспериментальными данными. Вероятно, только специфические черты просодического рисунка РА группы минативов отличают их от РА обещаний. Кроме того, угрожающие иллокутивы интерпретируются слушающими как предостережения или простое информирование о позиции адресанта.

Экспериментальными данными доказано, что стиливая дифференциация угроз в моделях официально-деловой, бытовой и непринужденной ситуаций общения либо сведена к минимуму (по параметру ЧОТ), либо отсутствует вообще на всем протяжении фонации (по параметру интенсивности). Таким образом, высказывания угрожающего характера являются моностилистическими образованиями.

РА угрожающего характера являются особым типом РА, которые коммуниканты употребляют в крайних случаях. Поэтому стилистические особенности ситуации общения практически не накладывают изменений на просодическую манифестацию угрозы. Для того, чтобы угроза подействовала сразу и принесла ожидаемый прагматический эффект во всех ситуациях общения – официально-деловых, бытовых, непринужденных – просодическая структура данного иллокутива должна быть стабильна. А ситуативные факторы коммуникации влияют на выбор лексических средств и участвуют в формировании семантики высказывания.

Вывод о стабильности просодического образа угрожающих высказываний в разных ситуациях общения имеет место в условиях коммуникации среди мужчин, так как консультантами, испытуемыми, аудиторами были лица мужского пола, и моделируемые ситуации включали только мужские роли. Вполне возможно, просодическое единообразие манифестации угроз в различных стиливых ситуациях коммуникации усилил гендерный фактор их употребления.

Дальнейшие исследования представляются перспективными с точки зрения подтверждения или отклонения гендерного фактора в манифестации угроз как основной причины отсутствия стиливой вариативности на просодическом уровне, а также соотношения этого влияния на данный тип иллокутивов в других языках.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1 Бут, Н.А. Становление и развитие понятийных категорий речевых актов / Бут Н.А. // Вестник ТГТУ, Тамбов: Изд-во ТГТУ. – 2002. – Т. 8. – №4. – С. 722 – 728.

2 Бут, Н.А. Прагматические шумы как препятствие достижению прагматического эффекта / Бут Н.А. // VIII Державинские чтения. Филология и журналистика: Сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2003. – С. 118 – 119.

3 Бут, Н.А. Категориальный аппарат теории речевых актов в аспекте актуальных теорий / Бут Н.А. // Вестник ТГТУ, Тамбов: Изд-во ТГТУ. – 2003. – Т. 9. – № 1. – С. 130 – 135.

4 Бут, Н.А. Частота основного тона как ключевое средство просодии / Бут Н.А. // Труды ТГТУ: Сб. науч. статей молодых ученых и студентов. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2003. – Вып. 14. – С. 181 – 184.

5 Бут, Н.А. Акустика как компонент звучащей речи / Бут Н.А. // VIII науч. конф. ТГТУ: Сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2003. – Ч. 1. – С. 214 – 215.

6 Бут, Н.А. Роль частоты основного тона в формировании семантических представлений высказывания/ Бут Н.А., Тютюнник Е.В. // VIII науч. конф. ТГТУ: Сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2003. – Ч. 1. – С. 215 – 216.

7 Бут, Н. А. Некоторые особенности употребления речевых актов угрожающего характера / Бут Н.А. // Труды ТГТУ: Сб. науч. статей молодых ученых и студентов. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. – Вып. 16. – С. 132 – 135.